Сохранение идиша — не худший вид снобизма

Умирает идиш или обретает второе дыхание, почему дети большинства советских еврейских писателей не могли связать двух слов на маме-лошн, кто и зачем спекулирует на попытках «возрождения» этого языка — об этом и многом другом мы говорим с Велвлом Черниным — одним из наиболее известных идишистов Израиля, поэтом, этнографом, переводчиком, лауреатом литературной премии им. Давида Гофштейна.

— Велвл, когда начался ваш роман с идишем? На кафедре этнографии истфака МГУ, где вы учились в 1970-е, его явно не преподавали…

— Во времена моего детства этот язык еще не умер, тем более, что каждый год я проводил лето в Пирятине Полтавской области у дедушки с бабушкой, где украинцы говорили по-украински, евреи — по-еврейски, то есть на идише, а по-русски разговаривал лишь телевизор. Дедушку моего звали Арон, бабушку — Дина, и это было видно за километр. Иногда за дедом прибегал какой-нибудь соплеменник и торопил: *Арон, Арон, дер центер!* («Арон, Арон, десятый!») И дед — член партии и кадровый офицер — вздыхал, надевал

шляпу и шел поддержать миньян, беря с собой и меня, чтобы не мешал бабушке управляться по хозяйству.

Мне казалось глубоко несправедливым, что наш язык умирает, поэтому лет в 11-12 я нашел книжку «Языки народов СССР» и выучил алфавит, потом научился читать на идише и постоянно совершенствовался. Фраза *ин кладовке аф дер полке штейт а банке мит варенье* хорошо описывает состояние разговорного идиша тех лет, когда значительная часть лексики была уже заимствованной. Поэтому, когда я заговорил на литературном языке, то дедушка перестал меня понимать. Помню, он спрашивает, откуда я звоню, и слышит в ответ: *Фун дер цузаменвойнунг* — из общежития МГУ, то есть. Дедушка родился в семье сельского кузнеца, учился в Талмуд-торе, в годы коренизации в Украине окончил военное училище — он и по-русски то не очень грамотно говорил, а слово *цузаменвойнунг* («общежитие») на литературном идише — вообще не слышал. *Фун ванен, фун ванен?* («Откуда, откуда?»), — переспросил дед. Я говорю: *Фун гуртожиток*. И тогда он ворчит: *А-а, ну ред аф идиш ви а менч* («А, так говори по-еврейски как человек»).

Заседание руководства Еврейской Культурной Ассоциации, 1989 год. Второй слева — Велвл Чернин

— Не было ощущения, что идиш — это отживший мир, уходящая натура, перевернутая страница, а иврит — язык новых, гордых евреев, живущих в своей стране, другими словами, язык нашего национального будущего.

— Когда-то я любил читать «Падение Парижа» Эренбурга, где он описывает первомайскую демонстрацию в столице Франции в конце 1930-х в таком примерно стиле: «Первыми идут коммунары. Их немного — когда-то мальчишками они помогали строить последние баррикады на горбатых улочках Монмартра». Идея о том, что необходимо строить последние баррикады, не казалась мне бессмысленной и лишенной какого-то достоинства.

К тому же до определенного момента я просто не знал, что существует другой еврейский язык, кроме идиша. В детстве я полагал, что мы остаток какого-то народа, всегда жившего на Украине и почти полностью истребленного, — в братской могиле у села Тарасовка лежит гораздо больше моих родственников, чем тех, кто пережил войну.

> ***До определенного момента я просто не знал, что существует другой еврейский язык, кроме идиша***

О существовании еврейского государства я впервые узнал в 1967-м, недоумевая, почему родители не выступают вместе со всем советским народом против израильской агрессии. Я не воспринимал тогда Израиль как решение наших проблем, поэтому попытка спасти то, что было *нашим*, в первую очередь язык, представлялась мне вполне достойным делом.

— Вам не кажется символичным, что дети большинства советских еврейских писателей не владеют идишем вообще? Похоже, родители и сами понимали, что являются последними из могикан, и не верили в будущее языка, на котором творили…

— Ну, это старая история. Литературовед Уран Гуральник рассказывал, как в детстве — в середине 1930-х — его напечатали в пионерской еврейской газете «Зай грейт!», а потом привезли в Харьков, в Союз писателей, где он читал свою поэму о челюскинцах. И вот он декламирует и видит, что в уголке

сидят еврейские дети его примерно возраста — и ничего не понимают. Это были дети еврейских писателей-классиков, произведения которых он изучал в школе. И тогда, — вспоминал Гуральник, — у меня возникло ощущение, которое я в силу возраста сформулировать не мог, а сейчас, будучи седовласым профессором, назвал бы «бриллианты для бедных» — культура для простого народа, не владеющего более престижными языками. Эти писатели восхищались мальчиком из провинциальной среды, написавшим поэму на идише, но собственных детей маме-лошн не учили. Во многих случаях литература на идише — это литература одного поколения. Дети Шолом-Алейхема говорили по-русски, с его внучкой — Бел Кауфман — я был знаком лично — она прекрасно говорила по-русски, как героиня экранизаций Льва Толстого, но идишем не владела. И это было массовым явлением среди интеллектуалов той эпохи — они подсознательно вели себя в духе галицийских просветителей первой половины XIX века, объяснивших, зачем все-таки нужна литература на идише — для внедрения передовых идей в отсталые массы.

> ***Во многих случаях литература на идише — это литература одного поколения***

В Советском Союзе на эти тенденции наложилась своя специфика. Люди были запуганы, и наступил момент, когда говорить на идише стало просто неприлично, как разговаривать по-украински в советском Киеве. Хотя были и исключения, например, сын Давида Бергельсона прекрасно говорил на идише, как и дочь Гофштейна.

Для вас идиш не стал фетишем, он вполне дополнял иврит…

— Иврит я начал изучать лет в 15-16 в нелегальном ульпане (а много позже даже написал первую советскую эстрадную песню на иврите), с конца 1970-х стал активистом независимого — читай подпольного — еврейского движения. А параллельно занимался в группе идиша на Высших литературных курсах при Литературном институте им. Горького.

— И как сочеталась подпольная сионистская деятельность с вовлеченностью в советский еврейский официоз? Вы ведь были самым молодым сотрудником «Советиш геймланд» — официального рупора сил, для которых Израиль был пугалом.

— В ранней юности я был убежденным сторонником марксизма-ленинизма. Потом увидел, что люди притворяются, никакого отношения ни к парижским коммунарам, ни к Марксу не имея. Да, по отношению к евреям СССР вершится несправедливость, — думал я, — но идея-то коммунизма правильная, вот я уеду в Израиль и вступлю там в компартию. Безоговорочно просоветский Меир Вильнер (лидер КПИ) мне не понравился, но слоган нелегально привезенной нам газеты «Аль а-Мишмар» — «За социализм, за сионизм, за дружбу народов» — вполне отражал мои идеологические предпочтения.

> ***Да, по отношению к евреям СССР вершится несправедливость, — думал я, — но идея-то коммунизма правильная, вот я уеду в Израиль и вступлю там в компартию***

Это отчасти и семейная история. Моя бабушка была членом БУНДа, и после его роспуска в 1921-м, когда всем бундовцам разрешили индивидуально вступать в ВКП(б), она этого не сделала, в домашнем кругу так и оставшись преданной сторонницей этой партии. А мой дедушка в 15 лет ушел на Гражданскую войну, где стал комсомольцем, и любил подначивать жену: вы, мамка, все-таки уклонисты. На что бабушка возражала: да мы были такие же коммунисты, как вы, только гоев к себе не принимали.

Так что были и метания, и разочарования, и увлечение еврокоммунизмом — я переводчик с испанского, поэтому мог читать соответствующую литературу.

— И как на эти метания реагировали старшие товарищи из тогдашней советской еврейской элиты?

— Они были много старше, опытнее и, главное, циничнее меня. Мы часто шутили в те годы, в чем разница между комсомольцами 1920-х и

комсомольцами 1970-х? В росте. Тем комсомольцам все было по плечу, а нам все было по х… Большинство этих старших товарищей относились к комсомольцам 1970-х, только уже лысым и седым, и на все плевали. При этом не все было однозначно. Например, редактор «Советиш геймланд» Вергелис дважды отмазывал меня от КГБ — за мной приходили, а он не сдавал. Я написал тогда статью о татском этносе, доказывая его еврейское происхождение. Пошли телеги, мол, статья Чернина распространяется в Дагестане среди отсталых слоев татского населения, вызывая среди них сионистские настроения. А вскоре на пороге редакции появились люди из КГБ во главе с Мататовым, курировавшим татский вопрос. Гость (сам горский еврей, настаивающий на происхождении татов от иранцев) сразу ринулся в бой, заявив, что идет из ЦК от человека, разделяющего его взгляды, и подчеркнув, что вообще *часто ходит в ЦК*. «А я хожу, когда мне надо», — парирует Вергелис. Тот понимает, с кем связался, и начинает увещевать: поймите, мы столько боролись, доказывая, что мы не евреи, а теперь — из-за Чернина — нам что, в Израиль уезжать? Но эти жалкие провинциальные интриганы не могли тягаться с Вергелисом, который, сделав грозное лицо, закричал: «Вон из моего кабинета — пособник сионистов! Примитивный биологизатор! Вы утверждаете, что таты не потомки древних евреев и поэтому не едут в Израиль. А будь вы евреями, сбежали бы? Я не знаю, кто такие таты-шматы, мы народ гордый — никого в евреи не затягиваем! Вот я, потомок древних евреев, и что же, по-вашему получается, я должен уехать в Израиль, товарищ Мататов? Я бы очень хотел, чтобы на вашу подрывную деятельность обратили внимание...» — и пошло-поехало.

> ***Редактор «Советиш геймланд» Вергелис дважды отмазывал меня от КГБ — за мной приходили, а он не сдавал.***

Вергелис прекрасно владел советской казуистикой, при этом все прекрасно понимая. Однажды, хорошо приняв на грудь, — шла Ливанская война 1982 года — он принялся рассуждать об ошибке сионистов, мол, израильтяне только отогнали палестинцев, а надо было их уничтожить.

Он снова не сдал меня, когда я встретился с еврейским журналистом из Канады, наговорил лишнего и ждал последствий. Так или иначе, я продержался в журнале четыре с половиной года и ушел после того, как

Вергелис вставил мою подпись под письмом с осуждением Израиля. Потом я работал литконсультантом в театрах Киева и Москвы, писал для «Биробиджанер штерн», а изредка (Вергелис нормально к этому относился) печатался и в «Советиш геймланд» — до отъезда в Израиль в 1990 году.

Давид Драгунский на смотре офицеров 55-го Гвардейского полка, 1987

— В те годы вы даже удостоились аудиенции у главы печально известного Антисионистского комитета советской общественности генерала Драгунского…

— Надо сказать, что люди, стоявшие у истоков АКСО, тот же Вергелис, рассчитывали возглавить организацию, подобную Еврейскому антифашистскому комитету эпохи Михоэлса. И все они в той или иной мере сочувствовали Израилю, в том числе и дважды Герой Советского Союза Драгунский (кстати, в свое время член ЕАК), командовавший в начале 1980-х Высшими офицерскими курсами «Выстрел». Полгода я провел на базе «Выстрела» как военный переводчик с испанского. Когда Драгунский узнал, что у него служит еврейский поэт (а я уже печатался в «Советиш геймланд»),

то затребовал меня к себе. Готовясь к встрече, я представлял, что буду говорить только на идише. Но увидев дубовую дверь, подполковника с секретаршей и дяденьку с лампасами, я вошел, щелкнул каблуками и доложил по форме: «Товарищ генерал-полковник, лейтенант Чернин по вашему приказанию прибыл». *Хап а зец* («Садись»), — сказал Драгунский, и когда разговор стал более фамильярным, я набрался наглости и спросил, как его угораздило возглавить АКСО. «Ты что думаешь, *их бин а нехтикер* (я вчера родился), — говорит он. — Думаешь, я во всю эту хрень верю? Мне пишет пенсионер из Бобруйска, жалуется на соседей-антисемитов — ты думаешь, я отвечу ему, что верю в силу местных советов? Но я офицер, член партии, что велели, то выполняю!»

Я хорошо помню — идем мы по военному городку — я и лейтенант Сергеев — мой приятель, тоже военный переводчик, еврей по матери. Вдруг натыкаемся на Драгунского — взяли под козырек. «Вольно, — говорит он и спрашивает меня, показывая на Сергеева: «А гой?». *Нейн. Ди маме из а идише*, — отвечаю я. И он, расспросив об офицерском содержании, в своей грубоватой манере стал рассказывать нам, какой козел Ясер Арафат, с которым он встречался, и т.п. Драгунский был выходцем из совершенно нищей провинциальной еврейской семьи, сделавшим колоссальную карьеру. И он, как и большинство членов АКСО, не стыдился своего еврейства, просто он был еврейским совком.

> ***Генерал Драгунский, как и большинство членов АКСО, не стыдился своего еврейства, просто он был еврейским совком***

— Все 25 лет независимой еврейской жизни в странах СНГ не утихают спекуляции на идеях «возрождения» идиша. Одни функционеры получают деньги на семинары, издание самоучителей и проведение фестивалей, другие возмущены, мол, мы распорядились бы этими деньгами с большей пользой. Насколько этот спор вообще релевантен? Можно ли всерьез говорить о возрождении идиша как живого, разговорного языка, который еще Башевис назвал «языком мертвых»? Или все, что нам остается, — его изучение, как изучают редкие и умирающие языки, не фантазируя об их возрождении.

— Сложно однозначно ответить на этот вопрос. Сам я продолжаю говорить на идише с друзьями и коллегами и частично — в семье, но в детском саду мои дети переходят на иврит, на котором идет их социализация. Вместе с тем мы живем в эпоху, когда предпринимаются попытки спасения языков, находящихся еще в более тяжелом, чем идиш, положении — например, корнского или мэнского. Потомки носителей этих языков говорят сейчас по-английски, но существует национальное движение, в рамках которого возрождение языка отвечает некой потребности — как этнический символ.

Проблема в том, что место еврейского национального языка на уровне символа прочно занято ивритом. Параллельно существует идеология — я назвал бы ее светским национализмом диаспоры, — для которой символом служит как раз идиш. Надо понимать, что современные евреи диаспоры имеют несколько моделей поведения. Сионистскую, в рамках которой еврей, живущий по тем или иным причинам в Украине, Франции, США и т.д., воспринимает себя частью Израиля и его культуры. Есть модель религиозная, основанная на соблюдении заповедей. И модель ассимиляторская. За бортом остаются евреи, которым все эти варианты не подходят, и они-то являются базой для светского национализма диаспоры и идиша как его символа.

— Сколько светских евреев сегодня используют идиш в качестве основного языка общения? Какие мультики на идише смотрят их дети и какие книжки читают? Ведь будущее языка зависит по большому счету от того, сколько еврейских детей сможет прочитать на нем «Гарри Поттера». Или вы полагаете, что для полноценной социализации им вполне достаточно Шолом-Алейхема?

— Носители идиша никогда не были моноглотами — в синагоге они пользовались ивритом, а вне общины как минимум одним нееврейским языком. Поэтому можно прочитать «Гарри Поттера» по-английски, а все остальное на идише. Тут важны приоритеты. Я, например, прежде всего, еврей, а потом идишист. Поэтому, живя в Израиле, я частично говорю на идише с женой, хотя мы общаемся и по-русски, и на иврите — это называется функциональный полилингвизм. Напротив меня живет молодой американец — бывший ультраортодокс, переехавший в Израиль, — он говорит со мной на идише всегда, как всегда говорит со мной на идише и пожилой швед. Но в целом мой круг общения не ограничивается носителями идиша. При этом есть

люди, живущие совсем по-другому.

— Вы имеете в виду светские еврейские коммуны, в основном, в США, где идиш — основной, если не единственный язык общения?

— Да, это очень мотивированные семьи, объединившиеся в так называемые *свивэс* — общины, где создана искусственная среда, в рамках которой и Гарри Поттер может заговорить на идише. Они принципиальны и бескомпромиссны. Это все равно, что живя в станице Луганская, я принципово розмовляв би виключно українською мовою і виховував дітей на цій мові. Если этим людям не хватает лексики, они ее создают, специально подбирая для каждого понятия термины на идише, хотя это и выглядит несколько искусственно.

> ***Есть очень мотивированные семьи, объединившиеся в так называемые свивэс — общины, где создана искусственная среда, в рамках которой и Гарри Поттер может заговорить на идише***

Кроме того, в Израиле набирает силу движение за ашкеназское возрождение, для которого идиш тоже служит символом. В конце концов, есть люди, для которых эсперанто стал родным языком, несмотря на его искусственность.

Понятно, что идиш не возродится, как украинский язык. Представить, что через двадцать лет в Харькове будут говорить, как во Львове, с некоторым напряжением можно. С идишем этого не произойдет, но он не вымрет.

— Как человек, постоянно преподающий идиш в университете, вы нашли ответ на вопрос, как сделать модным этот язык? Не в рамках разовых акций — многочисленные клезфесты собирают, в основном, неевреев, — я говорю о сознательном стремлении хотя бы тысяч евреев пользоваться идишем, по меньшей мере, для домашнего общения.

— Это частично происходит, причем без всяких усилий со стороны профессиональных идишистов. Просто идет отток из ультраортодоксальной общины, и в Иерусалиме, например, легко встретить бывших харедим, которые продолжают говорить на идише. Проблема в том, что они сохраняют

язык в первом поколении, но их дети останутся носителями идиша, только если будет разработана система, вписывающая его в реалии современной культуры. Пока же ультраортодоксы — как настоящие, так и вчерашние — на диалектном уровне его сохраняют.

Да, их язык порой может раздражать — эти люди живут, будто еще не родился Шолом-Алейхем, но уже появился компьютер. Но востребован не только такой идиш. Популярно движение «Юнг идиш» — этакая клубная тусовка во главе с Менди Каханом — прекрасным стендапистом, выходцем из ультраортодоксальной семьи из Антверпена.

— Вы говорили о попытках спасения негосударственных языков. Насколько они удачны? И применим ли этот опыт к идишу, потенциальные носители которого рассеяны на огромной территории.

— То тут, то там пытаются возродить какой-нибудь язык. Скажем, бретонский, который функционирует сегодня на двух уровнях — с одной стороны, благодаря интеллектуалам, которые даже «Собаку Баскервилей» перевели на бретонский, не говоря уж о поддержке национальных школ и т.п. С другой стороны, базовым регионом для бретонского являются глухие рыбацкие деревни, откуда молодежь уезжает на заработки в большие города, где, чтобы преуспеть, необходимо говорить по-французски. Задача бретонских интеллектуалов — перехватить эту молодежь в «большом мире».

Примерно та же ситуация наблюдается во взаимоотношениях с идишем бывших харедим. Поскольку бретонцы сумели создать школьную систему в неблагоприятном для себя французском окружении, то и у идиша есть шанс.

Когда будет разработана система внедрения современного идиша в среду тех, кто родился, условно говоря, в Боро-парке или Бней-Браке, — он будет нормально функционировать наряду с еще одним языком — английским или ивритом. Евреи всегда говорили на нескольких языках. И то, что Ошер Шварцман первые свои стихи написал по-украински, поскольку жил в украинском селе, не помешало ему стать еврейским поэтом.

Менди Кахан

— 150 экземпляров... Таким тиражом был издан на идише роман Михаила Фельзенбаума «Субботние спички», который вы перевели на русский язык. Это, безусловно, писательский подвиг, но кто читатели этой книги?

— Во-первых, эти 150 экземпляров уже разошлись и готовится дополнительный тираж. Проблема в том, что многочисленные организации, призванные заниматься поддержкой идиша, — это кормушки — и немногих авторов, которые еще пишут на этом языке, они не поддерживают. Например, Национальное управление по делам идиша так и не выделило средства на издание этого романа, в предисловии указано, что он издан «С божьей помощью».

То, что сегодня в Израиле нет ни одного литературного журнала на идише, иначе как позором не назовешь. Как и в диаспоре, у нас слишком много профессиональных функционеров, которые ничего не делают. Даже архивы умерших писателей не сохраняются. Зато тратятся деньги на судебные иски одних организаций против других. Надо что-то с этим делать, поэтому я согласился стать членом правления СП, ведь, как показала практика, и один в

поле воин — Шмулик Ацмон 30 лет назад создал в одиночку «Идишпиль», и этот театр жив до сих пор.

> ***То, что сегодня в Израиле нет ни одного литературного журнала на идише, иначе как позором не назовешь***

Даже если в Союзе писателей будут собираться немногочисленные снобы, общаясь на идише, — это уже прогресс. Мы — как народ — тоже заслуживаем своих снобов, и сохранение идиша — не худший вид снобизма.

Беседовал Михаил Гольд, «Лехаим»